

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ СО СТОРОНЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАН ПО ОТНОШЕНИЮ К АВТОРИТАРНЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Сорокин Д.А.¹

Санкции являются наиболее распространенным инструментом для оказания внешнеполитического давления в наши дни. В современном мире демократические страны отказались от силовых методов в международной политике, для постулирования своей позиции используют именно санкции, которые являются индикатором выражения недовольства политикой какой-либо страны. Однако политическая наука изобилует количеством исследований о том, что санкции не эффективны, пагубно влияют как на страну-отправителя, так и на страну-получателя.

При всем этом, современные исследователи неэффективности санкций не обращают внимания на внутренние факторы, которые оказывают воздействие на общую эффективность санкций. В данной статье предпринята попытка устранить данную лакуну. Для анализа внутренних факторов используется Теория рационального выбора как теоретическая рамка, статистический анализ, а также Метод структурированного, фокусированного сравнения. В совокупности данные методы позволяют провести комплексный анализ неэффективности санкций.

В результате исследования планируется выявление общего тренда неэффективности санкций, обусловленного внутренними факторами страны-получателя, что позволит создать прочный теоретический фундамент для ответа на вопрос: «Почему санкции не эффективны, но продолжают использоваться в современной международной политике?»

Ключевые слова:

Санкции, инструменты международного принуждения, политический режим, авторитаризм, демократия, бизнес, протест, эмбарго.

¹ Сорокин Дмитрий Алексеевич – студент 3-го курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), программа «Политология». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: dmitriy.sorokin.1999@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена изучению неэффективности экономических санкций как инструмента оказания внешнеполитического давления со стороны демократических стран по отношению к авторитарным государствам. В современном мире возрастает роль применения определенных мер со стороны какой-либо страны для достижения своих внешнеполитических целей. Экономические санкции являются одним из инструментов для оказания воздействия на авторитарные режимы с целью активации механизмов демократизации, однако на практике санкция зачастую не только не влияет на режим, но и увеличивает издержки страны-отправителя.

Однако, при всем этом, санкции продолжают активно использоваться демократическими странами. Непосредственно исследовательской проблемой является факт того, что исследователи неэффективности санкций (Wood [38]; Pape [29]; Weiss [37]; Cox [16]; Crumm [17]; Verdier, Woo [36]) считают, что есть более продуктивные способы экономического давления, однако, во многом, аргументы данных ученых не затрагивают эндогенные факторы влияния санкций или рассматривают данные факторы в качестве единого предиктора, что делает объяснение однобоким и снижает качество анализа неэффективности санкций.

Исходя из того, что санкции являются политическими по мотивации, но экономическими по содержанию, для концептуализации предлагается понятие «санкция» без прилагательного «политическая». Собственно, под «санкцией» понимается инструмент принуждения во внешней политике, который чаще всего выражается в ограничениях экономического характера, причиной наложения которых выступает несоответствие или отсутствие демократических ценностей

в определенной стране или нарушение норм международного права, эти ограничения предпринимаются для предупреждения политического лидера или же направлены на ограничение политического поведения. Данный концепт сформулирован исходя из определений санкций таких исследователей, как Wood [38, 490], Tsebelis [35, 5], Pape [29, 91], а также с помощью определения, взятого из Cambridge Dictionary [14]. То есть исследование направлено на выявление факторов, которые приводят к эффективности/неэффективности той или иной санкции. Важно отметить, что рассматриваются как внешние, так и внутренние факторы, которые оказывают влияние на неэффективность санкций.

Для достижения цели исследования представляется возможным выделить следующие задачи исследования:

1. Предложить теоретические рамки для выделения эндогенных факторов, влияющих на неэффективность санкций и сформулировать гипотезу, которая может быть проверена эмпирически;
2. Используя метод структурированного, фокусированного сравнения, разработать вопросы, которые будут задаваться кейсам;
3. Для упрощения процедуры обработки ответов на поставленные вопросы провести агрегацию данных вопросов по типу агентов на две группы;
4. Сформулировать идеальные типы для тех случаев, когда ранговая система в найденных индексах, базах данных не предусмотрена;
5. Основываясь на полученных данных, провести сравнение кейсов;

6. Исходя из проведенного сравнения, соотнести результаты анализа с гипотезами, выделенными в теоретической части.

Рабочей гипотезой исследования является предположение, что внутри стран-получателей санкций существуют эндогенные факторы, снижающие эффективность влияния санкций на стран-отправителей.

Весомым допущением в данной статье является тот факт, что все элементы внутренней политики страны-получателя являются рациональными, стремятся к максимизации своей выгоды. Следовательно, можно говорить о Теории Рационального Выбора как методологической парадигме. Если использовать данную теорию для изучения неэффективности санкций применительно к странам-получателям, то можно утверждать, что в странах-получателях существует акторы, которые стремятся максимизировать свою полезность и извлечь из экономической ситуации, создаваемой санкциями, наибольшую выгоду. Предполагается, что такими рациональными игроками являются: инкубент/правительство; политическая оппозиция правящему инкубенту/правительству; элиты, способные оказывать существенное влияние на принятие политических решений в стране-получателе; население, которое представлено гражданами страны-получателя и которое не входит в политическую оппозицию и элиты.

Для отбора кейсов предлагается использование Метода Сходств Дж. Ст. Милля, т.к. кейсы отбираются по факту наличия разного набора предшествующих обстоятельств (характеристик) [15, 255], которые привели к полному или частичному неуспеху санкций. Под неуспехом понимается тот факт, что правительства санкционируемых стран продолжали проявлять нелояльность по отношению к странам-отправителям, и в результате не произошло кардинального

изменения режима на демократический, или же эти изменения были незначительны.

Методом, с помощью которого станет возможным анализ кейсов применительно к теме статьи является Метод структурированного, фокусированного сравнения (The Method of Structured, Focused Comparison). Данный метод является структурированным, так как предоставляется возможность создания общих вопросов, которые отражают цель исследования и могут «задаваться» для каждого кейса по отдельности, то есть благодаря структурированному сравнению становится возможным создание систематического и кумулятивного сравнения кейсов. Помимо этого, данный метод является фокусированным, так как он рассматривает только определенные аспекты найденной информации [23, 61].

В качестве методов анализа информации, полученной из ответов на вопросы, сформулированные в логике Метода структурированного, фокусированного сравнения, предлагаются статистический анализ (с последующей интерпретацией) в виде расчета рангов разных стран, а также конструирование идеальных типов для возможного сравнения отобранных кейсов в том случае, если система рангов в индексах, базах данных не предусмотрена.

Для исследования поставленной проблемы наиболее релевантными эмпирическими источниками являются индексы, базы данных, а также НПА, так как, прежде всего, для рассмотрения предлагаются страны-получатели, поэтому крайне важно знать контекст принятия политических решений в данных государствах, степень демократизации, характер политических отношений со странами-отправителями, степень поддержки деятельности правительства со стороны граждан, степень автономности экономики этих стран от влияния внешнего мира.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Многообразие и большое количество кейсов применения санкций предопределяет комплексность изучения их эффекта, а точнее, факторов, оказывающих воздействие на их общую эффективность. Собственно, существует значительное количество противоречивых взглядов на эффект, которые оказывают санкции на страну-получателя.

Ряд исследователей (Hufbauer [24], Pape [29], Weiss [37]) сходятся во мнении, что санкции очень часто не достигают своих целей, аргументируя этот факт тем, что санкции, в целом, являются неэффективным инструментом оказания экономического давления на страны, режим которых является недемократическим.

Помимо этого, некоторые исследователи (Cox [16], Drezner [19]) сходятся во мнении, что санкции часто приводят к значительным экономическим и социальным расходам, которые несут граждане как страны-получателя санкций, так и страны отправителя. Данное направление и представленное выше являются мейнстримом в определении неэффективности санкций, однако, такой подход совсем не обращает внимания на эндогенные факторы страны-получателя, что делает объяснение, как уже отмечалось, односторонним.

Довольно широко представлена теория (Crumm [17], Long [25]), что «позитивные стимулы» являются весомой альтернативой санкциям. Наиболее интересной и, во многом, аккумулирующей все прошлые работы по данной тематике является работа Д. Вердиера и Б. Ву «Why rewards are better than sanctions». Прежде всего, главной причиной неуспеха санкций авторы называют «Ралли вокруг флага» (rally-round-the-flag effect) [36,

220]. Это такой эффект, при котором угроза со стороны санкции вызывает националистический ответ со стороны правительства и/или населения. Авторы выдвигают гипотезу, что позитивные стимулы являются более эффективными, чем санкции. Модель игры, сконструированная авторами, показывает, что ни при каких обстоятельствах «sanctioner» не должен предпочитать санкции позитивным стимулам [36, 221], т.к. исходя из модели авторов, риск вымогательства со стороны стран-получателей является менее значительным, нежели «националистическая реакция» со стороны правительства и населения.

Отдельного внимания заслуживают работы Р. Вуда «A Hand upon the Throat of the Nation” Economic Sanctions and State Repression, 1976–2001», Д. Таннеберга «Hard times and regime failure: autocratic responses to economic downturns», Н. Маринова и С. Нили «Санкции и демократия». В этих статьях авторы утверждают, что санкции являются недостаточно эффективными, однако формулируют некоторые новаторские идеи, выпадающие из мейнстрима. Так, Р. Вуд рассматривает связь между экономическими санкциями и политическими репрессиями для подтверждения или опровержения гипотезы о негативном влиянии экономических санкций на защиту прав человека [38, 491]. Д. Таннеберг прослеживает связь между экономическими спадами внутри стран-получателей и эффективностью санкций [34, 116]. Н. Маринов и С. Нили задаются вопросом: «Могут ли санкции продвигать демократию, и должны ли они использоваться с этой целью?», а также «является ли такое применение оправданным?» [26, 766].

Также научный интерес представляют работы исследователей, уделяющих большое внимание внутренней динамике в стране-получателе и последствиям санкций

для стран-отправителей (Allen [8], Vapat and Morgan [11]; Peksen and Drury [30]). Одним из представителей данной теории является В. Соест, который в своей работе «Sanctions and Democratization in the Post-Cold War Era» делает упор на «международных акторах», считая, что именно затраты стран-отправителей наиболее сильно влияют на эффект санкций. Действует следующий механизм: авторитарные лидеры предпочитают нести последствия санкций, чем демократизироваться, ожидая, что не все санкции эффективны настолько, чтобы дестабилизировать политическую систему, а страны-отправители вынуждены терпеть многочисленные убытки, т.к. санкции дорогие [32, 8]. Собственно, такой подход позволяет проследить динамику изменений политических решений акторов (прежде всего, государств), находящихся под обоюдным эффектом санкций.

Однако все перечисленные авторы в своих исследованиях обходят стороной эндогенные факторы, возникающие в стране-получателе. По сути, это приводит к тому, что многие из «деревьев игр», созданных обозначенными авторами, являются недостаточно адаптированными к реальности, а аргументы авторов игнорируют важное «внутреннее положение дел» в стране-получателе санкций. Собственно, представляется возможным и важным попытаться «заполнить» возникшую лакуну в исследовании феномена санкций путем нахождения эндогенных факторов.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ

Так как в качестве кейсов будут рассмотрены страны-получатели во время наложения санкций, их анализ и непосредственно сравнение представляется комплексным процессом. Поэтому изначально необходимо наметить предметное поле, а именно сформулировать рабочую гипотезу,

которая позволит обозначить релевантные факторы.

К анализу предлагается рассмотрение процесса наложения санкций на внутривнутриполитическом уровне. Внутривнутриполитический уровень характеризуется многообразными и разнородными моделями отношений между инкубентом/правительством, различными группами населения (в т.ч. элитами) в период наложения санкций. Предполагается, что данный уровень является наиболее значимым, ведь исследования ориентировано на поиск и объяснение релевантных эндогенных факторов, влияющих на эффективность санкций.

Релевантным фактором неэффективности санкций, непосредственно вытекающим из анализа внутривнутриполитического уровня, является отсутствие в стране-получателе санкции реальной оппозиции. Исходя из того, что инкубенту выгодно сохранять статус-кво в стране даже при высоких издержках, создаваемых санкциями (т.к. политическая рента, которую получает инкубент, намного выше), то при отсутствии реальной оппозиции, которая в случае наложения санкций смогла бы воспользоваться сложившейся ситуацией для критики правящего инкубента и в перспективе прийти к власти с возможными (пусть и минимальными) положениями по изменению политического режима, санкции не смогут привести к смене политического режима. Однако руководство страны-отправителя может рассчитывать на то, что в результате наложения санкций в стране-получателе все же появится оппозиция. Стоит отметить, что при начальном отсутствии реальной оппозиции, гражданам, которые окажутся недовольны ухудшением их экономического положения посредством санкций, будет довольно проблематично найти каналы для воздействия на власть. Более того, такие каналы могут

вообще отсутствовать, поэтому для создания последних может потребоваться значительное количество времени, за которое инкубент успеет либо удовлетворить недовольства созревающей оппозиции, либо ее ликвидировать.

Таким образом, наличие реальной оппозиции и ее своевременные действия для конструирования альтернативы правящей власти являются одним из важнейших возможных факторов, которые приводят к успеху санкций. Поэтому в данном исследовании тестируется единственная гипотеза-лемма. Анализ ответов на возможные вопросы, а также поиск эндогенных факторов, влияющих на неэффективность санкций, будет произведен в последующих работах.

СОЗДАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ОТБОРА И АНАЛИЗА КЕЙСОВ

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ К КЕЙСАМ

Рассмотрим примерную гипотезу-лемму: при отсутствии в странах-получателях санкций реальной оппозиции – санкции не смогут в полной мере привести к смене политического режима в пользу демократии. Исходя из этой гипотезы можно выделить следующие конкретные вопросы:

- Существует ли в стране-получателе реальная оппозиция и насколько сильны ее позиции? (Под силой позиций понимается поддержка обществом);
- имеется ли в стране-получателе право на свободу слова? (Рассматриваются не только конституционные нормы, но и индексы свободы слова);
- существует ли в стране-получателе реальная возможность выражения протеста? (В данном вопросе предпола-

гается рассмотрение уровня репрессий, конституционное право на проведение митингов, забастовок и т.д.);

- привели ли санкции к увеличению протестов в санкционированной стране, и были ли данные протесты направлены против существующей политической системы и политики со стороны инкубента/правительства в частности?

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ

В тех случаях, когда ранговая система в анализируемых индексах и базах данных не предусмотрена, представляется возможным использовать технику создания идеальных типов для сравнения кейсов и идеально-типических ситуаций. Исходя из этого, релевантно разработать четыре идеальных типа для сравнения с кейсами (табл. 1).

Идеальный тип № 1 представляет собой такую ситуацию, когда санкции не смогли привести к изменению характера инкубента/правительства в пользу демократии, т.е. страна-получатель сохранила без изменений свой политический режим, международные организации не повлияли на инкубента/правительство, т.к. режим остался прежним, санкции не привели к дестабилизации внутренней политики страны-получателя. Помимо этого, население не только не перестало поддерживать инкубента, но и увеличило степень поддержки инкубента (ралли-вокруг-флага). Политическая оппозиция либо отошла от критики правящего инкубента, либо и вовсе не существовала. Интересы элит не оказались «задеты» санкциями: они либо остались верны инкубенту, либо увеличили его поддержку.

Табл. 1. Идеальные типы.

Эффективность влияния санкций	Низкая для инкумбента / правительства / элиты	Высокая для инкумбента / правительства / элиты
Низкая для не инкумбента / правительства / элиты	Идеальный тип №1	Идеальный тип №2
Высокая для не инкумбента / правительства / элиты	Идеальный тип №3	Идеальный тип №4

Идеальный тип № 4 представляет собой такую ситуацию, когда санкции смогли привести к изменению политики инкумбента / правительства в пользу демократичной или же привели к тому, что инкумбент / правительство ушли в отставку. Международные организации оказали достаточное влияние на страну-получателя, выгоды от интеграции в мировую политику оказались больше, чем от маргинализации. Население перестало поддерживать инкумбента / правительство, значительно увеличилось количество протестов. Политическая оппозиция получила весомый повод для увеличения объема критики правящего инкумбента, и, как результат, стала более влиятельной, чем инкумбент (или же пришла к власти), т.е. добилась своих политических целей. Санкции сильно ударили по экономическому положению элит, что привело к потере контроля инкумбентом за группами интересов, так как представители элит отказались от поддержки существующего режима и присоединились к политической оппозиции.

Идеальные типы № 2 и № 3 являются промежуточными и представляют собой различные вариации положений 1 и 4 пунктов относительно влияния санкций.

ОБОСНОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ ОТБОРА

Исходя из факта того, что в исследовательском дизайне предполагается использование метода сходств Дж. Ст. Милля, представляется разумным сформулировать

определенные различия между кейсами, чтобы в дальнейшем эти кейсы можно было выявить.

Важно отметить, что единственным сходством при отборе кейсов следует считать неуспех санкций со стороны стран-отправителей непосредственно к кейсам (странам-получателям).

Следовательно, необходимо сформулировать различия, по которым будут отбираться кейсы. Прежде всего, кейсы (страны в определенный промежуток времени) должны иметь разное географическое положение, так как географическое положение обуславливает разные доступные ресурсы, разных стран-соседей, возможный разный тип политического мышления.

Помимо этого, страны-получатели должны иметь несхожий тип авторитарного режима. Также интерес представляет время нахождения под санкционным режимом в силу того, что предполагается, что инкумбент / правительство, оппозиция и население, в зависимости от времени нахождения под санкционным режимом, могут выбрать отличные друг от друга стратегии поведения, а также отношение к санкциям.

Помимо этого, релевантным является интенсивность наложенных странами-отправителями ограничений. Под интенсивностью санкций понимается степень экономической тяжести мер, предпринятых со стороны стран-отправителей.

Нельзя обойти стороной внешнеэкономических партнеров и членство в международных организациях, т.к. предполагается, что страны-отправители в зависимости от характера международной организации, в которой они состоят, или от разного типа международных партнеров могут по-разному реагировать на факт наложения санкций.

Важно отметить, что при непосредственном анализе кейсов могут быть выявлены иные различия (в основном касающиеся внешних факторов), что не противоречит ранее сформулированным отличиям. То есть, чем более разными являются кейсы при одинаковом исходе (санкции не были успешны), тем более они представляют интерес для исследователя.

АНАЛИЗ ОТОБРАННЫХ КЕЙСОВ: ИРАН И ВЕНЕСУЭЛА

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА КЕЙСОВ

Для рассмотрения предлагаются два кейса: Венесуэла (8 марта 2015 – 2018) и Иран (1987 – 2018).

Основной причиной наложения экономических санкций против Ирана является его ракетная и ядерная программа. Также стоит отметить, что Иран является страной-рекордсменом по количеству лет (около 37) действия санкций (с 1979 года). Главными механизмами этих санкций стало ограничение нефтяной торговли, а также редуцирование возможности всякой помощи Ирану от международных финансовых организаций и государств. 1987 год как начальная точка для рассмотрения Ирана выбран неслучайно, так как в 1987 году между Ираном и США был прекращен товарооборот в любой форме [31]. Помимо этого, произошло военное столкновение между кораблями США и Ирана. То есть 1987 год можно охарактеризовать как новый виток в санкцион-

ном режиме против Ирана, который, по сути своей, является экономическим эмбарго.

Основной причиной наложения экономических санкций против Венесуэлы стало изменение политического режима от сравнительно демократического к социалистическому, т.к. Чавес взял курс на «социализм». В 2017 году США накладывают экономические санкции по причине «диктатуры Мадуро», которая, согласно заявлению Белого дома, лишает граждан Венесуэлы доступа к продуктам и лекарствам, а также притесняет оппозицию. Собственно, в данном кейсе основным триггером страны-отправителя санкций выступает "преступный" режим, который осуществляется Мадуро. 2015 год интересен тем, что в этом году был принят указ о наложении персональных санкций США на Николаса Мадуро (8 марта 2015 года). Тогда действующий президент США «Барак Обама подписал санкционный документ, по причине того, что в Венесуэле ущемляются права человека, преследуются "политические оппоненты" и нарушается свобода прессы [5].

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КЕЙСАМИ

1. Разное географическое положение: Венесуэла расположена на Севере Южной Америки; Иран расположен в Юго-Западной Азии;
2. Несхожий тип авторитарного режима. ВТИ. Political Transformation: Иран *(2.92 – hard-line autocracy) [12], Венесуэла (3.8 – hard-line autocracy) [13]; Polity IV (2015): Иран (-7 – autocracy) [9], Венесуэла (3 – open anocracy) [10]; V-Dem (2016): Венесуэла (0.59) [20], Иран (0.53) [20]; The Economist. Democracy Index 2017: Венесуэла (117 rank) [18], Иран (150 rank) [18];
3. Разное время нахождения под санкционным режимом. Иран (1979-2018, 39 лет), Венесуэла (2015-2018, 3 года);

4. Различная интенсивность наложенных на стран-отправителей ограничений. Иран: полное эмбарго, однако затем эмбарго отменили, но экономические ограничения остались. Венесуэла: санкции против президента Николаса Мадуро, Исполнительный Указ 2015 (Б. Обама), точечные санкции, рассматриваются санкции против нефтяного сектора Венесуэлы;

5. Членство в разных международных организациях. Иран является членом ООН (с 1945 года), ОИК, Исламского банка развития, ОПЕК, Организации Экономического сотрудничества, Движения неприсоединения, Группы 77 и др. Иран также имеет статус наблюдателя в ВТО [7]. Венесуэла также является членом ООН с 1945 года, ВТО (с 1995 года), ОПЕК и др. Венесуэла участвует в межамериканских структурах и интеграционных объединениях латиноамериканского региона - МЕРКОСУР, КАРИКО, Карибский банк развития, МАБР, АЛБА, ЛАЭС, ЛАИ, ОАГ, Группа Рио, УНАСУР, ОПАНАЛ [6]. Следовательно, несмотря на тот факт, что обе страны входят в ООН, ОПЕК, кейсы, во многом, различны, так как имеют разные сферы влияния и разное географическое положение. Поэтому Иран и Венесуэла являются членами разных региональных организаций.

АНАЛИЗ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ ИНДЕКСОВ, БАЗ ДАННЫХ И НПА

Анализ эмпирической базы для ответа на вопрос: «Существует ли в стране-получателе реальная оппозиция, и насколько сильны ее позиции?». Принимая во внимание то, что оппозиция является «реальной» в том случае, если она действительно имеет поддержку в обществе и шанс прийти к власти посредством выборов, для ответа на вопрос можно использовать индикатор Political Pluralism and Participation (Freedom House. Freedom in the World), а

именно такую его составляющую, как индикатор В2 «Is there a realistic opportunity for the opposition to increase its support or gain power through elections?».

Согласно оценке экспертов данного индекса (1 / 4) Иран имеет реформистские партии (например, Voice of Iranians, Iranian National Unity), которые были сформированы в 2015 году. Однако изначально обнаружилось их ограничения правящим режимом, т.к. большинство инициативных кандидатов были исключены посредством дисквалификации Советом Стражей [21]. Помимо этого, в 2017 году семь реформистских политиков были приговорены к тюремному заключению из-за «пропаганды против режима». Мир-Хосейн Мусави, Захра Рахнавард, Мехди Карруби - лидеры оппозиционной партии «Зеленые» находятся под домашним арестом с февраля 2011 года за протесты, которые произошли после президентских выборов в 2009 году [21]. Следовательно, в Иране существует политическая оппозиция правящему инкумбенту, у которой есть четко сформулированные цели, лидеры, однако данную оппозицию сложно назвать реальной, т.к. она не имеет возможности победить на выборах или даже сформировать свой электорат.

Что касается Венесуэлы, то, согласно оценке экспертов индекса В2 (1 / 4), Венесуэла так же, как и Иран, имеет сформированную оппозицию. Более того, оппозиция представлена в виде коалиции (например, Круглый стол демократического единства), т.е. осознает общность своих целей и претензий к правящему инкумбенту. В 2015 году избирательная коалиция MUD одержала победу на парламентских выборах (56,2%), однако в 2017 году National Assembly была фактически заменена на National Constituent Assembly [22], что, по сути, привело к фактическому устранению членов оппозиции с

их демократически избранных должностей. Дальнейший плебисцит, проведенный лидерами оппозиции, который являлся знаком несогласия по поводу создания National Constituent Assembly, так и не был услышан правящей властью. Помимо этого, после бойкота некоторыми оппозиционными партиями муниципальных выборов в декабре 2017 года, National Constituent Assembly запретила этим партиям участвовать на Президентских выборах в 2018 году [22].

Таким образом, можно утверждать, что в Венесуэле существует четко структурированная оппозиция, которая не только противостоит режиму, но и может выигрывать выборы. Однако посредством создания Конституционной ассамблеи, политическая оппозиция лишилась возможности влияния на принятие политических решений. И все же, оппозиция в Венесуэле имеет более четкие позиции в обществе, по сравнению с иранской оппозицией, а следовательно, является более «реальной».

Анализ эмпирической базы для ответа на вопрос: «Имеется ли в стране-получателе право на свободу слова?». Для ответа на вопрос № 2 предлагается использовать информацию из положений Конституций Ирана и Венесуэлы, а также индекс Freedom House - Freedom in the World и, в частности индикатор Freedom of Expression and Belief: D4.

В статье 175 Конституции Ирана (от 15 ноября 1979 года) закреплено следующее право: «На телевидении и радио Исламской Республики Иран обеспечивается свобода слова и распространения мыслей и идей при условии соблюдения исламских норм и с учетом интересов страны» [3]. То есть, исходя из анализа данного положения, можно сделать следующие выводы: 1) свобода слова разрешена исключительно на телевидении и радио (нет никаких упоминаний о сети Ин-

тернет); 2) обязательно должны быть соблюдены исламские нормы; 3) свобода слова гарантирована только при соблюдении интересов страны. Таким образом, правящий инкумбент на полных основаниях может ограничивать данную свободу, апеллируя к интересам страны или принципам ислама.

Согласно индикатору Freedom of Expression and Belief, D4 (Are individuals free to express their personal views on political or other sensitive topics without fear of surveillance or retribution?), Иран имеет оценку (1 / 4) [21], так как свобода слова блокируется строгими ограничениями в публичной сфере, а также онлайн-мониторингом со стороны власти интернет-пространства. Однако некоторые граждане Ирана обходят ограничения, используя «иные интернет-платформы», тем самым избегая контроля со стороны власти. Также интерес представляет индикатор D1 (Are there free and independent media?), оценка: (1 / 4) [21], согласно которому СМИ в Иране предельно ограничены: новости подвергаются жесткой цензуре. Если какая-либо информация противоречит курсу страны, то она не обзвевается на официальных каналах, которые смотрит большинство иранцев. Более того, гражданам Ирана запрещено иметь спутниковые антенны, которые (при наличии) конфискуются представителями силовых структур. Однако, по сравнению с 2017 годом данный показатель вырос с 0 до 1, так как количество журналистов, отбывающих наказание в тюрьмах за выражение своей политической позиции, сократилось с 45 человек (в декабре 2012) до 5 (в декабре 2017).

Таким образом, Исламская Республика Иран в вопросе предоставления права на свободу слова верна Конституции, т.е. это право законно ограничивается, однако при этом, можно утверждать, что в Иране нет четких каналов выражения мнения граждан.

Такие платформы являются нелегальными и не доступны для большинства иранцев. Что касается СМИ, то право на свободу слова ограничивается: в стране официально нет независимых СМИ, интернет-издания контролируются правительством.

Согласно Конституции Боливарианской Республики Венесуэла, а именно статьям 57: «Каждый имеет право на свободное выражение своих мнений, идей и воззрений устно, письменно или посредством любой другой формы выражения и использовать для этого любые средства связи и распространения информации, при этом запрещена цензура...» и 58: «Средства массовой информации независимы и строят свою деятельность на принципе плюрализма, а также несут ответственность, установленную законом. Каждый имеет право на получение своевременной, правдивой и беспристрастной информации без цензуры в соответствии с принципами настоящей Конституции...» [4] можно сделать следующие выводы относительно права на свободу слова в Венесуэле: 1) Конституция декларирует полное отсутствие цензуры; 2) каждый гражданин имеет право на выражение собственного мнения и личной позиции без угрозы давления со стороны государства; 3) СМИ независимы и имеют право представлять правдивую информацию о положении дел в стране.

Согласно индикатору Freedom of Expression and Belief, D4, Венесуэла имеет оценку (2 / 4) [22], так как в связи с напряженной политической ситуацией в стране, граждане стали более сдержанными в выражении своих взглядов и мнений, поскольку были случаи незаконной трансляции переговоров оппозиции со стороны правящего режима. То есть право на свободу слова, закрепленное в Конституции, нарушается, правительство стремится дискредитировать

оппозицию, разглашая нелегально полученную информацию. Помимо этого, исходя из оценки (1 / 4) [22] по индикатору D1 (Are There Free and Independent Media?), большинство СМИ контролируются правительством, в связи с вступлением в силу в 2004 году Закона о Социальной Ответственности (радио и телевидения), который эффективно используется для «наказания» неугодных правительству журналистов. В ноябре 2017 года Конституционная Ассамблея приняла закон о ненависти, который предусматривает до 20 лет тюремного заключения для тех, кто, используя СМИ, распространяет «неперпимую» (intolerant) информацию по радио, телевидению или социальным сетям. Данный закон активно используется для контроля оппозиции относительно критики правящего правительства. Помимо этого, в 2017 году продолжилась «охота» на оппозиционные издания, с использованием таких методов, как захват оборудования, задержание и аресты сотрудников данных изданий. Например, журналист Браулио Джатар провел в тюрьме 8 месяцев, а затем был переведен под домашний арест.

Таким образом, исходя из вышесказанного, в Венесуэле согласно Конституции закреплено право на свободу слова, однако принят ряд законов, которые данное право ограничивают. Также существует большое количество примеров нарушения права на свободу слова правительством. При всем этом, можно утверждать, что Венесуэла является более свободной, чем Иран, относительно свободы выражения мнений, т.к. в Иране формально не предусмотрена такое право, в Венесуэле же данное право не только предусмотрено, но и отчасти реализуется. Однако стоит заметить, что ввиду создания Конституционной Ассамблеи, которая призвана реформировать Конституцию Венесуэлы, право на свободу слова в данной стране

может быть еще более ограничено или запрещено вовсе.

Более того, данные выводы закрепляются оценкой свободы СМИ Индексом Media freedom ranking, 2017 (The Economist). Исходя из индекса, Венесуэла имеет оценку (score) 5/10 и ранг 109 из 167, что характеризует статус свободы медиа как “largely unfree”. Иран же имеет оценку 1/10 и ранг 145, данный статус свободы медиа характеризуется как “unfree” [18].

Анализ эмпирической базы для ответа на вопрос: «Существует ли в стране-получателе реальная возможность выражения протеста?». Для ответа на вопрос № 3 предлагается использовать: Индекс The Economist - Democracy Index (2017), в частности индикатор Civil Liberties, который очерчивает предметное поле для ответа на интересующий нас вопрос; Freedom House - Freedom in the World (2018), так как он представляет не только экспертную оценку, но и краткое саммари данной оценки; а также положения из Конституций Ирана и Венесуэлы, т.е. анализ формально закрепленных прав и свобод.

Согласно Конституции Исламской Республики Иран, а именно статье 27, в государстве «обеспечивается свобода собраний и демонстраций без оружия и без нарушений основ ислама» [3]. Следовательно, выражение политических протестов в стране-получателе формально закреплено, однако с двумя важными оговорками: 1) без оружия и 2) без нарушения основ ислама. То есть любой протест может быть запрещен на основании противоречия фундаментальным принципам религии, что, является удобным инструментом для правящего инкумбента запрещать любые митинги и собрания под предлогом несоответствия требований, выдвигаемых оппозиционерами, основам ислама.

Исходя из индикатора Associational And Organizational Rights: E1 (Is there freedom of assembly?) индекса Freedom in the World, Иран имеет оценку (0 / 4) [21], так как несмотря на формальную закрепленность права публичных собраний, на практике разрешаются только одобренные государством демонстрации. Другие публичные протесты подавляются службами безопасности, которые задерживают участников данных мероприятий. Более того, несколько человек были убиты во время подавления протестов, вспыхнувших в декабре 2017 года.

Таким образом, на практике реальная возможность выражения протестов в Исламской Республике Иран не предусмотрена, большинство выступлений подавляется властями, а каналы распространения информации о беспорядках блокируются.

Что касается Конституции Боливарианской Республики Венесуэла, а именно статей 53 «Каждый имеет право на открытые или закрытые собрания без предварительного разрешения в мирных целях и без оружия» и 68 «Граждане имеют право на проведение мирных манифестаций и без оружия с учетом других требований, установленных законом» [4], видно, что в Конституции формально закреплена возможность выражения протеста, если собрания и манифестации проводятся в мирных целях и без использования оружия.

Исходя из индикатора Associational and Organizational Rights: E1 индекса Freedom in the World, Венесуэла имеет оценку (0 / 4) [22]. Важно отметить, что по сравнению с 2017 годом (оценка: 1 / 4) Венесуэла ухудшила свой результат. Несмотря на то, что в Конституции Венесуэлы гарантируется свобода мирных собраний, на практике это право запрещено. Антиправительственные протесты в 2017 году были встречены жестким противодействием со стороны сил без-

опасности: в результате действий данных спецслужб были ранены 1900 человек, погибло 136 человек (ФН ссылается на данные НПО Foro Penal). Многие арестованные до сих пор находятся под стражей.

Таким образом, на практике реальная возможность выражения протеста в Венесуэле не предусмотрена, демонстрации и митинги кроваво подавляются и сопровождаются большим количеством арестов и задержаний.

Помимо этого, любопытными являются оценки Democracy Index. 2017 (The Economist), а именно индикатора Civil Liberties. Согласно показателям данного индекса, Венесуэла имеет ранг 117, Иран же - 150 ранг (из 167 возможных рангов). Относительно индикатора Civil Liberties, Венесуэла располагает показателем в 3.82 points (из 10); а Иран - 1.47 (из 10) [18]. Собственно, согласно индексу The Economist, Венесуэла является более демократически развитой в отношении предоставления и защиты гражданских свобод, чем Иран.

Таким образом, на основании анализа Конституций стран, индексов Freedom House и The Economist, можно утверждать, что Исламская Республика Иран предоставляет своим гражданам меньше возможностей для реализации политического протеста, чем Боливарианская Республика Венесуэла. Эти страны схожи в том, что право граждан на свободное выражение протеста закреплено в положениях Конституций. Однако на практике демонстрации граждан подавляются сотрудниками служб безопасности. При этом стоит отметить, что правительство Ирана законно может использовать силу, если протесты граждан будут признаны противоречащими принципам ислама, что позволяет инкумбенту более легально и эффективно регулировать протестную ситуацию в стране.

Анализ эмпирической базы для ответа на вопрос: «Привели ли санкции к увеличению протестов в санкционированной стране, и данные протесты были направлены против существующей политической системы и политики со стороны инкумбента/правительства в частности?». Для ответа на вопрос № 4 предлагается использовать: ACLED. Bringing clarity to crisis; Uppsala Conflict Data Program; The Quality of Government Institute (QoG Standard Data), VTI. Political Transformation.

Исходя из анализа базы данных ACLED. Bringing clarity to crisis, а именно Crisis Profile, Иран имеет низкий уровень насилия по сравнению с регионом в целом: 1120 инцидентов протеста и насилия, из которых всего 23 (2.053%) приходится на протесты со стороны граждан [33]. Например, в 2016 и 2017 годах было проведено несколько выступлений рабочих, протестующих против увольнений и снижения заработной платы. С 1989 года зафиксировано 120 случаев применения силы со стороны полицейских сил Ирана. Однако полицейские активно привлекались для защиты пограничных областей Ирана, а собственно случаев применения насилия против граждан немного [33]. Одной из причин протестов граждан является санкционный режим США против Ирана, который отразился на их доходах. Однако данные протесты были эффективно подавлены властями, а оппозиция не смогла воспользоваться сложившейся ситуацией для критики находящегося у власти инкумбента. Помимо этого, Uppsala Conflict Data Program (UCDP) за период с 1989 по 2016 год фиксирует, что основным объектом насилия со стороны властей являлась курдская партия Free Life Party of Kurdistan, которая активизировалась в 2005 году и выступает за изменение иранского режима в целях создания демократической системы, однако действует она исключи-

тельно в курдском районе страны. В целом, по данным UCDP, количество смертей в ходе вооруженных столкновений с 2009-2011 годов (229) упало до 58 [27]. При этом, стоит отметить, что в число 58 по большей части не входят смерти, вызванные подавлением властями протестов со стороны граждан. Также интерес представляет Transformation Index ВТИ, а именно показатель Protest Intensity, который с 2003 по 2018 год определяет степень политического протеста в Иране от 4 до 5 баллов из 10 (в 2018 году он составил 5 баллов [12]). То есть можно говорить, что наложение санкций не привело к резкому повышению уровня протестов со стороны граждан, так как, по сути, степень конфликта оставалась неизменной в течение 10 лет.

Таким образом, исходя из анализа баз данных и индексов, протесты со стороны граждан, направленные против правящего инкумбента, практически отсутствуют, а если они и случаются, то эффективно подавляются властями. Оппозиция не смогла воспользоваться ухудшением экономического состояния населения, вызванного наложением санкций, поэтому население смирилось со сложившейся ситуацией, что привело к снижению протестной активности и укреплению позиций правящего инкумбента и правительства.

Что касается Венесуэлы, то UCPD включает, что протесты в Венесуэле (2015-2017) являются периодическими, а правительство применяет силу против протестующих гражданских лиц. Помимо этого, UCPD констатирует, что протесты были направлены против авторитарного лидера Николаса Мадуро, однако все они были подавлены силовыми структурами [28]. Согласно индикатору Conflict Intensity Transformation Index ВТИ, степень конфликтности возросла с 5 в 2014 году до 6 в

2018 году [13]. ВТИ ссылается на данные Venezuelan Observatory of Social Conflict, которая зарегистрировала 5772 протестные акции за два года (2016-2017). Половина из этих протестов были направлены против правительства и правящего инкумбента, однако возникают сомнения, что данные протесты были вызваны именно санкциями, ведь в 2014 году (до введения санкций) протестов было вдвое больше, а именно 9200 [13].

Следовательно, количество протестов к настоящему времени значительно снизилось, то есть политическая оппозиция не смогла в полной мере воспользоваться ситуацией недовольства населения правительством, даже принимая во внимание тот факт, что США обязались наложить санкции на нефтяной комплекс Венесуэлы.

Тем не менее, протестный потенциал Венесуэлы является более высоким, чем в Иране. Тем более, что большинство протестных акций в Венесуэле направлено против правящего инкумбента в отличие от Ирана. Однако протесты успешно подавляются и в первом и во втором кейсах, тем более что протестный уровень остался сравнительно неизменным и после наложения санкций. Следовательно, введение санкций против рассматриваемых стран-получателей не увеличило количество протестов и не смогло в полной мере активизировать оппозицию.

Итак, санкции оказали минимальное влияние на возможную победу оппозиции, так как не смогли стать большим, нежели стимулом для населения. Ведь изначально санкции применялись против экономической системы страны (в случае с Ираном) или носили «точечный» характер (в кейсе с Венесуэлой), при этом не затрагивая политические, социальные, культурные составляющие стран-получателей. Следовательно, санкции ухудшили экономическое положение

ние targeted states, но не стали своеобразным «порохом», который бы привел к изменению политического режима страны-получателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исходя из анализа кейсов (Ирана и Венесуэлы) применительно к гипотезе № 3, выбранные страны-получатели ближе всего расположены к идеальному типу № 1, то есть к такому типу, когда санкции не оказывают влияния ни на инкумбента/правительство, ни на население и политическую оппозицию (выводы по каждому вопросу представлены выше).

Итак, при отсутствии в странах-получателях санкций реальной оппозиции, санкции не смогут в полной мере привести к смене политического режима в пользу демократии, так как несмотря на всю экономическую мощь ограничений, которые страны-отправители накладывают на таргетированные государства, санкционный режим по большей части является лишь стимулом для активизации недовольных ухудшением своего экономического положения граждан.

Следовательно, рабочая гипотеза исследования (внутри стран-получателей санкций существуют эндогенные факторы, снижающие эффективность влияния санкций на стран-отправителей), подтвердилась. Действительно существует эндогенный фактор (предполагается, что существует и иные эндогенные факторы), который оказывает влияние на неэффективность экономических санкций со стороны демократических стран по отношению к авторитарным государствам.

При всем этом, правящая коалиция тех авторитарных государств, в которых практически отсутствует возможность для реального выражения протеста политической оппозицией (Иран) или же в которых

протесты со стороны граждан и политической оппозиции жестоко подавляются службами безопасности (Венесуэла), может эффективно воздействовать на любые случаи выражения недовольства со стороны граждан и репрессировать наиболее влиятельных членов оппозиции. Данная возможность в конечном итоге приводит к такой ситуации, при которой протест со стороны граждан уже подавлен, а дезориентированная политическая оппозиция фактически не успевает аккумулировать стимул, созданный наложением экономических санкций, в крупномасштабное сопротивление правящему режиму. Более того, правящий инкумбент после успешного подавления протеста, стимулированного санкциями, может использовать просчеты политической оппозиции для ее дискредитации.

Данная ситуация происходит, так как санкции направлены, прежде всего, на дестабилизацию политической системы страны-получателя, однако страны-отправители практически не обращают внимания на очевидное отсутствие в таргетированной стране каналов выражения протеста, считая при этом, что при наложении санкций в стране-получателе они появятся самостоятельно. Однако на практике происходит иначе. Дело в том, что простые экономические ограничения не способны привести к радикализации граждан и политической оппозиции до такой степени, что они потребуют смены политического режима в стране-получателе.

Санкционирующие страны обращают внимание лишь на внешнее экономическое давление, не принимая во внимание особенности взаимоотношений внутренних акторов, тем самым нивелируя факторы, которые могли бы привести к успеху санкций, и при этом создавая лишь стимул для активизации населения и оппозиции, но не более того.

Логика наложения санкций предполагает, как следует из анализа, очень упрощенную каузальную схему между «стимулом» (наложение санкций) и «реакцией» (режимные изменения): не учитываются как внутренние факторы, так и сложное каузальное взаимодействие, т.е. связь разных факторов, усиливающих или ослабляющих действие друг друга. Следовательно, акцент на каком-либо факторе без учета того, как он погружен в сеть других релевантных обстоятельств, например, своеобразный репертуар стратегий авторитарных режимов (от жестких и безоговорочных репрессий до хитроумной игры с формально закреплёнными законами) является очень упрощенным и нереалистичным взглядом. И вот над этим репертуаром отправители санкций никак не властны. Для них внутренняя политика – практически «черный ящик», а потому между «стимулом» и «реакцией» вовсе не такая связь, какую можно было бы ожидать.

Предполагается, что дальнейшая исследовательская работа состоит в тестировании иных гипотез, выявлении новых факторов с привлечением данных по иным странам. Данные задачи помогут обогатить качество анализа, внести ясность в каузальные связи между эндогенными факторами и, в целом, полнее осветить проблему общей неэффективности экономических санкций как инструментов внешнеполитического давления демократических стран на авторитарные государства с целью активизации механизмов демократизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Кермонн Ж.-Л. Западные политические режимы / Ж.-Л. Кермонн // Полис. – 1991. – № 2. – С. 127-146.
3. Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=83> (Дата обращения: 12.05.18).
4. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла. // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1090> (Дата обращения: 12.05.18).
5. Мадуро под ударом: насколько опасны для Венесуэлы санкции США // Информационное агентство ТАСС от 01.08.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4453564> (Дата обращения: 10.04.18).
6. Участие в международных организациях и режимах, основные внешнеполитические контрагенты и партнеры, отношения с Россией (Венесуэла) // Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom3/296.html> (Дата обращения: 23.03.18).
7. Участие в международных организациях и режимах, основные внешнеполитические контрагенты и партнеры, отношения с Россией (Иран) // Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/532.html> (Дата обращения: 23.03.18).
8. Allen S. The Domestic Political Cost of Economic Sanctions / Susan Hannah Allen // Journal of Conflict Resolution. – 2008. – Vol. 52. – No. 6. – pp. 916-944.
9. Authority Trends, 1946-2013: Iran // Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2013 [Electronic source] URL:

- <http://www.systemicpeace.org/polity/irn2.htm> (Date of access: 01.03.2018).
10. Authority Trends, 1946-2013: Venezuela // Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2013 [Electronic source] URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/ven2.htm> (Date of access: 01.03.2018).
11. Bapat N., Morgan C. Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data / Navin Bapat, Clifton Morgan // International Studies Quarterly. - 2009. - Vol. 53. - No. 4. - pp. 1075-1094.
12. BTI 2018. Iran Country Report // Transformation Index BTI [Electronic source] URL: <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/IRN/> (accessed 24.03.2018).
13. BTI 2018. Venezuela Country Report // Transformation Index BTI [Electronic source] URL: <http://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/VEN/> (Date of access: 24.03.2018).
14. Cambridge dictionary // Cambridge University Press [Electronic source] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/sanction?q=sanctions> (Date of access: 13.02.2018).
15. Cohen M., Nagel E. An Introduction to Logic and Scientific Method / Morris Cohen, Ernest Nagel. - London: Routledge & Kegan Paul LTD, 1966. - 467 p.
16. Cox D. Connecting the Democratic Peace and Economic Sanctions / Dan Cox // Journal of Peace Research. - 2006. - Vol. 43. - No 6. - pp. 709-722.
17. Crumm E. M. The value of economic incentives in international politics / Eileen M. Crumm // Journal of Peace Research. - 1995. - Vol. 32. - pp. 313-330.
18. Democracy Index (2017) Free speech under attack // The Economist Intelligence Unit [Electronic source] URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2017.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2017 (Date of access: 24.03.2018).
19. Drezner D. Bargaining, Enforcement, and Multilateral Sanctions: When Is Cooperation Counterproductive? / Daniel Drezner // International Organization. - 2000. - Vol. 54. - No. 1. - pp. 73-102.
20. Egalitarian Component Index, 1900-2016 // V-Dem. Varieties of Democracy [Electronic source] URL: <https://www.v-dem.net/en/analysis/MotionChart/> (Date of access: 24.03.2018).
21. Freedom in the World 2018: Iran // Freedom House [Electronic source] URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/iran> (Date of access: 15.05.2018).
22. Freedom in the World 2018: Venezuela // Freedom House [Electronic source] URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/venezuela> (Date of access: 15.05.2018).
23. George A., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Science / Alexander George, Andrew Bennett. - London: MIT Press, 2005. - 383 p.
24. Hufbauer G. Economic Sanctions: Public Goals and Private Compensation / Gary Hufbauer, Barbara Oegg // Chicago Journal of International Law. - 2003. - Vol. 4. - No. 2. - pp. 305-328.
25. Long W. J. Trade and technology incentives and bilateral cooperation / William J. Long // International Studies Quarterly. - 1996. - Vol. 40. - No. 1. - pp. 77-106.
26. Marinov N., Nili. S. Sanctions and democracy / Nikolay Marinov, Shmuel Nili // Inter-

- national Interactions. – 2015. – Vol. 41. – No. 4. – pp. 765-778.
27. Number of Deaths. Iran (1989-2016) // Uppsala Conflict Data Program [Electronic source] URL: <http://ucdp.uu.se/#country/630> (Date of access: 19.05.2018).
28. Number of Deaths. Venezuela (2015-2017) // Uppsala Conflict Data Program [Electronic source] URL: <http://ucdp.uu.se/#country/101> (Date of access: 19.05.2018).
29. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work / Robert Pape // International Security. – 1997. – Vol. 22. – pp. 90-136.
30. Peksen D., Drury C. Coercive or Corrosive: The Negative Impact of Economic Sanctions on Democracy / Dursun Peksen, Cooper Drury // International Interactions. – 2010. – Vol. 36. – No. 3. – pp. 240-264.
31. Rahni D. Anti-terrorism or anti-science? // The Iranian from 3 January 2003 [Electronic source] URL: <https://iranian.com/2003/01/03/anti-terrorism-or-anti-science/> (Date of accessed 10.04.2018).
32. Soest C. Sanctions and Democratization in the Post-Cold War Era / Christian Soest // GIGA Research Programme: Violence and Security. – 2013. – No. 212. – pp. 1-36.
33. Summary of Political Violence and Protest. Iran // The Armed Conflict Location & Event Data Project [Electronic source] URL: <https://www.acleddata.com/dashboard/#364> (Date of access: 16.05.2018).
34. Tanneberg D. Hard times and regime failure: autocratic responses to economic downturns / Dag Tanneberg, Christoph Stefes, Wolfgang Merkel // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19. – No. 1. – pp. 115-129.
35. Tsebelis G. Are Sanctions Effective? A Game-Theoretic Analysis / George Tsebelis // The Journal of Conflict Resolution. – 1990. – Vol. 34. – No. 1. – pp. 3-28.
36. Verdier D., Woo B. Why rewards are better than sanctions / Daniel Verdier, Byungwon Woo // Economics & Politics. – 2011. – Vol. 23. – No. 2. – pp. 220-238.
37. Weiss T. Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses / Thomas Weiss // Journal of Peace Research. – 1999. – Vol. 36. – No. 5. – pp. 499-514.
38. Wood R. «A Hand upon the Throat of the Nation»: Economic Sanctions and State Repression, 1976–2001 / Reed Wood // International Studies Quarterly. – 2008. – Vol. 52. – No. 3. – pp. 489-513.

SANCTIONS OF DEMOCRATIC COUNTRIES: EFFECTIVENESS OF INFLUENCE ON AUTHORITARIAN COUNTRIES

Sorokin Dmitriy - a 3rd year student of the National Research University - Higher School of Economics (Moscow), bachelor's program «Political Science». Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia. E-mail: dmitriy.sorokin.1999@mail.ru.

Sanctions are the most common tool foreign policy coercion today. In today's context democratic countries have abandoned the use of coercive methods in international politics; in order to take a stand, they use sanctions indicating their dissatisfaction with the policies of other countries. However, political science is replete with the amount of researches demonstrating sanctions inefficiency detrimental effect on both sending and recipient countries.

In addition, modern researchers of the sanction inefficiency do not pay attention to internal factors affect the overall sanction efficiency. This article attempts to eliminate this lacuna. The analysis of internal factors is based on theory of rational choice - as a theoretical framework - statistical analysis, as well as the method of structured, focused comparison. Together, these methods allow for a comprehensive analysis of the sanction inefficiency.

This study is aimed to identify the general trend of sanctions inefficiency caused by the internal factors of the recipient country, which might create a solid theoretical foundation for answering the question: "Why sanctions are not effective, but continue to be used in modern international politics?"

Key words:

Sanctions, international enforcement tools, political regime, authoritarianism, democracy, business, protest, embargo.